

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ И ПРЕДЕЛЫ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что Конституция, признавая общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России составной частью ее правовой системы, не определяет юридическую силу норм и принципов, не содержащихся в договорах, что нуждается в уточнении. Приоритет международных договоров России перед ее законами вызывает вопрос его согласования с государственным суверенитетом. В этой связи актуальным является рассмотрение возможности неисполнения Россией международных обязательств, если в истолковании Конституционного Суда они не будут соответствовать Конституции.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Нормы и принципы международного права, затрагивающие права человека, но не содержащиеся в международных договорах России, исходя из ч. 1 ст. 17 Конституции, должны иметь ту же юридическую силу, что и международные договоры. Так как Конституция имеет высшую юридическую силу, то не вступившие в силу международные договоры проверяются на соответствие ей. Поэтому приоритет международных договоров перед национальным законодательством России, в силу добровольности подписания договора и его непротиворечивости Конституции, никак не ущемляет государственный суверенитет, но дает существенные дополнительные гарантии прав и свобод граждан. Также был сделан вывод о том, что возможность неисполнения решений межгосударственных органов на основе международного договора (которые также являются составной частью правовой системы России) недопустима, как не согласуется с ч. 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции.

Ключевые слова: Конституция, нормы международного права, международный договор, Конституционный Суд, правовая система, государственный суверенитет.

NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND THE LIMITS OF THEIR EXECUTION

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the Constitution, recognizing the universally recognized principles and norms of international law and international treaties of Russia as an integral part of its legal system, does not determine the legal force of the norms and principles not contained in the treaties, which needs to be clarified. The priority of international treaties of Russia before its laws raises the question of its coordination with state sovereignty. In this regard, it is relevant to consider the possibility of non-fulfillment by Russia of international obligations if, in the interpretation of the Constitutional Court, they do not comply with the Constitution.

In the course of the study, the following conclusions were made. The norms and principles of international law affecting human rights, but not contained in international treaties of Russia, based on part 1 of Article 17 of the Constitution, must have the same legal force as international treaties. Since the Constitution has the highest legal force, international treaties that have not entered into force are checked for compliance with it. Therefore, the priority of international treaties over the national legislation of Russia, due to the voluntary signing of the treaty and its consistency with the Constitution, does not infringe on state sovereignty, but gives substantial additional guarantees of the rights and freedoms of citizens.

It was also concluded that the possibility of non-enforcement of decisions of interstate bodies based on an international treaty (which are also an integral part of the Russian legal system) is unacceptable, as it is not consistent with part 4 of article 15 and article 79 of the Constitution.

Key words: Constitution, international law, international treaty, Constitutional Court, legal system, state sovereignty.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России включены в ее правовую систему, при этом, международные договоры, подписанные Российской Федерацией, имеют более высокую юридическую силу, чем национальные законы. Из этого следует, что ни один закон в России не должен противоречить не только Конституции, но и международным договорам Российской Федерации [1]. В то же время ч. 2 ст. 4 Конституции закрепляет, что Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории России (без упоминания международных договоров), что направлено на обеспечение суверенитета государства. В этой связи возникает вопрос о том, как соотносится приоритет норм международного права перед национальным законодательством с независимостью и самостоятельностью Российского государства во внутренних делах, реализуемых посредством принятия собственных законов.

Также, если ч. 4 ст. 15 Конституции определяет, что международные договоры России имеют более высокую юридическую силу, чем законы, то остается неопределенность относительно юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права, не содержащихся в международных договорах России, но при этом, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции, являющихся частью ее правовой системы.

Следовательно, актуальность статьи обусловлена необходимостью исследования оправданности такого конституционного закрепления иерархии правовых норм и пределов применения норм международного права. Кроме того, принятым 14 марта 2020 г. законом о поправке к Конституции Российской Федерации, в ст. 125 Конституции вводится ч. 5.1, согласно которой Конституционный Суд наделяется полномочием решать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, вынесенных на основе международных договоров России в их истолковании, противоречащем Конституции, а также о возможности исполнения решений иностранных или международных судов, если эти решения не совместимы с основами публичного правопорядка России. Рассмотрение этой поправки в контексте ч. 4 ст. 15 Конституции также представляется весьма актуальным.

Таким образом, целью статьи является определение границ применения норм международного права в России, а также анализ вышеуказанной поправки к Конституции на предмет ее соответствия конституционному положению о приоритете международных договоров как одной из основ конституционного строя.

Многие конституционалисты склоняются к мнению о том, что в иерархии источников права Конституция стоит над международными договорами [2; 3; 4]. Согласимся с их мнением по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конституция имеет высшую юридическую силу. Данная норма является императивной и не предполагает каких-либо дополнений или исключений. Однозначное указание на Конституцию как на единственный нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу, означает, что ни одна правовая норма, в том числе и международная не должна противоречить Конституции.

Из этого фундаментального положения вытекает закрепленное ст. 79 Конституции ограничение на участие России в межгосударственных объединениях, согласно которому Российская Федерация может передавать межгосударственным

объединениям часть своих полномочий согласно международным договорам, но только если это не противоречит основам конституционного строя и не устанавливает ограничения прав и свобод граждан [5]. То есть подписанные Российской Федерацией международные договоры не должны противоречить нормам Конституции.

Также в соответствии с пунктом «г» ч. 2 ст. 125 Конституции Конституционный Суд проверяет конституционность не вступивших в силу международных договоров. Здесь важно отметить, что договоры проверяются на соответствие Конституции, а не наоборот. К тому же, согласно ч. 6 ст. 125 Конституции международные договоры, признанные не соответствующими Конституции, не вводятся в действие и не применяются. Таким образом, согласимся с Л. П. Ануфриевой в том, что Конституция имеет более высокую юридическую силу, а заключение международных договоров ставится в зависимость от того, насколько они согласуются с нормами Конституции [6].

Часть 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, относя общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры к правовой системе России, указывает на приоритет перед российским законодательством только международных договоров. Это делает неясным место общепризнанных норм и принципов, не закрепленных в подписанном России договоре в иерархии правовых предписаний. То есть, являясь составной частью российской правовой системы, нормы и принципы обладают общеобязательностью, но в случае правовой коллизии возникает неопределенность относительно того, какую именно норму (международную или внутригосударственную) следует применять [7].

Отметим, что согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. №5, к общепризнанным принципам международного права относятся принцип уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств, а к нормам относятся правила поведения, признаваемые международным сообществом как юридически обязательные¹. При этом, разъясняя судам, в каких случаях подлежат применению международные договоры России, вступающие в противоречие с национальным законодательством, Пленум Верховного Суда обходит вниманием вопрос применения международных норм и принципов, не содержащихся в таких договорах, но при этом, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции, являющихся составной частью правовой системы России.

Полагаем, что для преодоления коллизии права важна конкретизация содержания принципа или нормы. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции в России признаются права человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией. Очевидно, что международная норма или принцип, закрепляющие статус человека, не обязательно должны содержаться в международном договоре России, главное, что они общепризнаны и закрепляют права человека, что делает их выше национального законодательства [8]. В противном случае, ст. 17 содержала бы формулировку «согласно действующему законодательству и в соответствии с Конституцией».

Таким образом, место принципов и норм международного права в правовой системе России зависит либо от сферы их применения, либо от того, включены они в договоры, подписанные Россией, или содержатся в иных международных договорах.

Закрепленное Конституцией Российской Федерации положение о приоритете международных договоров России перед текущим законодательством подробнее раскрывается Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации».

¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. №5 (в ред. от 5 марта 2013 г.) // Правовой Сервер КонсультантПлюс, www.consultant.ru. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (дата обращения: 20.06.2020).

Федерации», ч. 3 ст. 5 которого предусматривает, что опубликованные договоры, не требующие принятия внутригосударственных актов для их реализации, действуют непосредственно². Пленум Верховного Суда Российской Федерации своим Постановлением от 31 октября 1995 г. №8 (в редакции от 2015 г.), указывая на верховенство международных договоров, так же как и в Постановлении от 10 октября 2003 г., обходит вниманием принципы и нормы, заключенные в актах, к которым российское государство не присоединилось³.

Несмотря на существующую правовую неопределенность юридической силы норм и принципов международного права, не содержащихся в международных договорах России, неоспоримо верховенство самих международных договоров, подписанных Россией, вытекающее из ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Норма ч. 4 ст. 15 Конституции имеет такой же императивный характер, как и норма ч. 1 этой статьи и не допускает ни расширительного, ни ограничительного толкования. То есть приоритет международных договоров над национальным законодательством (кроме, как было указано выше, Конституции) является абсолютным и не может быть ограничен ни требованиями целесообразности, ни основами публичного правопорядка (имеющими расплывчатый характер), ни актами толкования органов государственной власти, в том числе и Конституционного Суда.

Отсутствие в ч. 2 ст. 4 Конституции упоминания международных договоров также не должно становиться основанием для непризнания приоритета международных договоров перед национальным законодательством. Часть 2 ст. 4 и ст. 15 Конституции находятся в нормативном единстве и не могут рассматриваться как взаимоисключающие. Статья 15 более подробно раскрывает положения статьи 4, дополняя источники права нормами и принципами международного права и международными договорами России, а также определяя юридическую силу основных актов. Обе статьи находятся в главе «Основы конституционного строя», имеют одинаковую юридическую силу и должны учитываться в правоприменении в равной степени.

Отметим, что ст. 4 Конституции закрепляет верховенство Конституции и федеральных законов, не упоминая их юридическую силу. Как указывает В. Е. Чиркин в проведенном им сравнительно-лингвистическом анализе термина «верховенство права», этот термин означает, прежде всего, безусловное подчинение всех праву [9]. Однако соблюдению и исполнению подлежат не только федеральные законы, но и законы субъектов Российской Федерации и подзаконные акты, которые также не указаны в ст. 4 Конституции. Отсутствие иных нормативных правовых актов в тексте ст. 4 Конституции вовсе не означает, что они не могут существовать.

Таким образом, понятие «верховенство права» не тождественно понятию «юридическая сила», в противном случае, Конституция и федеральные законы имели бы одинаковую юридическую силу, но это не так. Часть 1 ст. 15 Конституции однозначно закрепляет высшую юридическую силу за Конституцией. Следовательно, нельзя противопоставлять нормы ч. 2 ст. 4 и ч. 4 ст. 15 Конституции, так как они, находясь в системном единстве, все-же имеют разное содержание.

Безусловный приоритет международных договоров перед национальным законодательством имеет огромное значение, так как он выступает существенной гарантией защиты прав и свобод граждан от произвола законодателя. Если федеральным законом умаляются или неоправданно ограничиваются права человека, то такой закон вступит в противоречие с международными договорами,

² О международных договорах Российской Федерации: Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс, www.consultant.ru. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения: 20.06.2020).

³ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. №8 (в ред. от 3 марта 2015 г.) // Там же. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (дата обращения: 20.06.2020).

гарантирующими незыблемость прав и свобод. В этом случае применению будет подлежать международный договор, что защитит права граждан от неконституционного посягательства. Так как Российская Федерация заключает международный договор добровольно, с соблюдением ограничений, установленных ст. 79 Конституции, приоритет таких договоров перед национальным законодательством не может рассматриваться как ущемление государственного суверенитета России. Напротив, подписание договоров способствует интеграции Российской Федерации в мировое сообщество, обеспечивает усиление гарантий прав и свобод граждан, вынуждая органы государственной власти придерживаться мировых стандартов прав человека. Ведь независимость государства во внутренних делах не тождественна вседозволенности по отношению к своим гражданам.

Для того чтобы международные нормы эффективно защищали права граждан необходимо исключение любой возможности обхода органами государственной власти этих норм. В этой связи не должно быть никаких отступлений от правила об обязательности исполнения международных договоров. Однако принятая в 2020 г. поправка к Конституции, дающая возможность государственной власти посредством Конституционного Суда не исполнять решения, вынесенные на основе международных договоров России (если Конституционный Суд посчитает их противоречащими Конституции), а также не исполнять решения судов, которые, по мнению Конституционного Суда, не совместимы с основами публичного права и порядка России, расшатывает систему гарантий прав человека и искажает смысл ч. 4 ст. 15 Конституции.

При этом предпосылки такой конституционной поправки были заложены еще в 2015 г. Так, Федеральным конституционным законом «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд был наделен полномочием по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека⁴. Реализуя данное полномочие, для того, чтобы определиться с возможностью исполнения решения межгосударственного органа, Конституционный Суд должен дать ему оценку, что возможно только в случае рассмотрения фактических обстоятельств дела. Однако это вступает в противоречие со ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой Конституционный Суд решает исключительно вопросы права и воздерживается от исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию иных органов⁵.

Помимо возникшей противоречивости Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», где с одной стороны Суд может давать оценку решению международного суда, а с другой – не вправе исследовать фактические обстоятельства, усматривается и нарушение ч. 4 ст. 15 Конституции, так как избирательное исполнение Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств низводит значение и обязательность самих международных договоров. Ведь если Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то она добровольно взяла на себя обязательство исполнять решения Европейского Суда по правам человека [10]. Единственная возможность произвольно отказаться от исполнения его решений – это денонсация Конвенции.

Следует добавить, что п. 10 и п. 11 приведенного нами ранее Постановления Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 г. №5 закрепляют, что Россия

⁴ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституционный закон от 14 декабря 2015 г. №7-ФКЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс, www.consultant.ru. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190427/ (дата обращения: 20.06.2020).

⁵ О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ (в ред. от 29 июля 2018 г.) // Там же. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 20.06.2020).

признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, а постановления Европейского Суда по правам человека являются обязательными для всех органов государственной власти России, в том числе и для судов. Такая позиция Верховного Суда не является его вольным правотворчеством, а основывается на ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, которая обязательна для России, как правопреемнице СССР, присоединившемуся к ней в 1986 г.⁶ Отметим, что по состоянию на 2020 г. Верховный Суд не изменил своей позиции по данному вопросу.

Несмотря на это, в июле 2015 г. Конституционный Суд своим Постановлением подтвердил право Российской Федерации не исполнять решения межгосударственных органов, если Конституционный Суд посчитает их не соответствующими Конституции. При этом Конституционный Суд признал, что поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод является составной частью правовой системы России, постольку государство несет обязанность исполнять принятые на ее основе постановления Европейского Суда по правам человека и признавать эти постановления составной частью российской правовой системы. Однако, если данные постановления, по мнению Конституционного Суда, могут нарушать конституционные предписания, то Россия может в порядке исключения отступить от исполнения взятых на себя обязательств⁷.

Некоторые авторы обращают внимание на необходимость учета разных обстоятельств при исполнении как международных договоров, так и вытекающих из них судебных решений [11; 12; 13]. Вместе с тем, не следует недооценивать опасность, исходящую от возможности государства не исполнять решения межгосударственного органа по защите прав человека, так как именно этот межгосударственный орган является механизмом обеспечения норм международного договора. Признание текста договора с одновременным не признанием вынесенного на его основе постановления органа, охраняющего нормы договора, неизбежно приведет к фиктивности и формализованности самого договора. Кроме того, обязанность исполнять решения межгосударственного органа вытекает из договора, и неисполнение решения соответствующего органа автоматически означает неисполнение международного договора в этой части.

Таким образом, на основе рассматриваемой конституционной поправки, Конституционный Суд становится органом, который, фактически противопоставляет себя международному суду, легитимность которого признается Россией и который разрешает спор на основе договора, не противоречащего Конституции Российской Федерации (в противном случае, Россия не присоединилась бы к нему). Ограничение возможностей международной юстиции правом вето Конституционного Суда существенно ослабляет международно-правовую защищенность прав и свобод граждан России.

Важно отметить и такой аспект. В соответствии с ч. 1 ст. 55 Конституции никто не может отрицать или умалять права человека, не перечисленные Конституцией. Это означает, что Конституция предполагает возможность расширения каталога прав человека. Ограничение на подписание международных договоров, закрепленное ст. 79 Конституции, связано не с иным по сравнению с Конституцией регулированием прав и свобод, а только с их ограничением, что также свидетельствует о предполагаемом Конституцией расширении прав человека за счет норм международного права [14]. В этой связи решения межгосударственных органов, вынесенные на основе договоров в области прав человека (имеющие неиз-

⁶ О присоединении СССР к Венской конвенции о праве международных договоров: Указ Президиума ВС СССР от 4 апреля 1986 г. № 4407-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1986. — 16 апр.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. №21-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 6.

менную тенденцию к расширению прав и свобод), не могут рассматриваться как противоречащие Конституции России, даже если российское государство испытает затруднение или нежелание исполнения этого решения.

В заключение отметим, что, согласно пункту «г» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, в отношении международных договоров Конституционный Суд вправе осуществлять исключительно предварительный конституционный контроль, то есть проверке на соответствие Конституции подлежат только не вступившие в силу международные договоры [15]. Соответственно, исходя из того, что Конституция по юридической силе стоит выше, чем международный договор, последний перед его ратификацией может быть проверен на соответствие Конституции и в случае обнаружения противоречий, согласно ч. 6 ст. 125 Конституции, не вводится в действие. Однако если он введен в действие, то становится общеобязательным, что не должно предполагать его избирательное исполнение. Водимая же поправка к Конституции фактически ставит исполнение международного договора в зависимость не от конкретной правовой нормы, а от его истолкования одним из органов государственной власти России, осуществляемого постфактум. Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд не наделен полномочием по проверке конституционности вступивших в силу международных договоров.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

В правовой системе российского государства высшую юридическую силу имеет Конституция Российской Федерации, за которой следуют международные договоры и текущее законодательство. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются неотъемлемой частью правовой системы России. При этом законодательно не определена юридическая сила норм и принципов, не содержащихся в международных договорах России. Полагаем, что если эти нормы и принципы затрагивают права человека, то они, исходя из смысла ч. 1 ст. 17 Конституции, обладают той же юридической силой, что и договоры, то есть стоят выше национальных законов.

Международные договоры обладают безусловным приоритетом перед национальным законодательством и не могут подвергаться избирательному исполнению. При этом подлежит исполнению как сам международный договор, так и постановления межгосударственных органов, вынесенные на основании этого договора. То есть частичное исполнение договора по решению Конституционного Суда, как предлагается принятой в 2020 г. поправкой к Конституции, недопустимо. Если же исполнение международного договора несовместимо с Конституцией Российской Федерации, то такой договор еще до вступления его в силу признается не соответствующим Конституции и не имплементируется.

Приоритет международных договоров перед национальным законодательством России, в силу добровольности подписания договора и его непротиворечивости Конституции, никак не ущемляет государственный суверенитет, но дает существенные дополнительные гарантии прав и свобод граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочев В. А. Договорные источники конституционного права / В. А. Кочев, П. А. Ромашов // Проблемы в российском законодательстве. — 2018. — № 5. — С. 37–43.
2. Матюнин М. Ф. Соотношение Конституции Российской Федерации и международных договоров / М. Ф. Матюнин // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 1 (29). — С. 231–235.
3. Хлопов И. Е. Соотношение юридической силы норм Конституции Российской Федерации и международных договоров в правовой системе Российской Федерации / И. Е. Хлопов // *Juvenis scientia*. — 2016. — № 1. — С. 113–115.
4. Пресняков М. В. Наравне с Конституцией: источники права, обладающие высшей юридической силой в Российской Федерации / М. В. Пресняков // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 96–107.

5. Киселева О. А. К вопросу о юридической силе и месте норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации / О. А. Киселева // Вестник Омского Университета. Серия «Право». — 2018. — № 2. — С. 46–48.

6. Ануфриева Л. П. Еще раз о соотношении Конституции Российской Федерации и норм международного права / Л. П. Ануфриева // Российское правосудие. — 2017. — № 1. — С. 38–47.

7. Корконосова Т. А. Международный договор и правовая система РФ / Т. А. Корконосова, Т. А. Долгополова // Неделя науки СПбПУ: сб. тр. науч. конф. с международным участием (Санкт-Петербург, 13-19 ноября 2017 г.). — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого, 2018. — С. 321–322.

8. Дадашева Р. А. Влияние норм международного права на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина / Р. А. Дадашева // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1. — С. 193–202.

9. Чиркин В. Е. Верховенство права: современные варианты терминологии / В. Е. Чиркин // Журнал российского права. — 2015. — № 12. — С. 5–10.

10. Черниченко С. В. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений / С. В. Черниченко // Московский журнал международного права. — 2018. — № 3. — С. 6–17.

11. Ильинская О. И. Влияние коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров / О. И. Ильинская // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5. — С. 155–166.

12. Ароян М. Ю. Влияние геополитических факторов на признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений / М. Ю. Ароян // Неделя науки СПбПУ: сб. тр. науч. конф. с международным участием (Санкт-Петербург, 13-19 ноября 2017 г.). — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого, 2018. — С. 463–465.

13. Смбалян А. С. Диссонанс между конкретностью каждой ситуации и необходимостью обеспечения стабильности и предсказуемости международных договоров / А. С. Смбалян // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 9. — С. 21–22.

14. Лазутин Л. А. К проблеме несогласованности внутригосударственных и международно-правовых норм: на примере правовой помощи по уголовным делам / Л. А. Лазутин // Современное право. — 2018. — № 2. — С. 99–103.

15. Галузо В. Н. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: допустима ли «импровизация»? / В. Н. Галузо, Н. А. Канафин // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 5. — С. 66–69.

REFERENCES

1. Kochev V. A., Romashov P. A. The Contractual Sources of Constitutional Law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2018, no. 5, pp. 37–43 (in Russian).

2. Matiunin M. F. Correlation between the Russian Constitution and the International Treaties. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2014, no. 1 (29), pp. 231–235 (in Russian).

3. Khlopov I. E. The Interrelation of Legal Force of the Constitution and International Treaties in the Legal System of the Russian Federation. *Juvenis Scientia*, 2016, no. 1, pp. 113–115 (in Russian).

4. Presniakov M. V. Equal to the Constitution: the Sources of Law of Highest Legal Force in the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 8, pp. 96–107 (in Russian).

5. Kiseleva O. A. On the Issue of the Legal Force and Place of Rules of International Treaties in the Legal System of the Russian Federation. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2018, no. 2, pp. 46–48 (in Russian).

6. Anufrieva L. P. On Correlation between the Constitution of the Russian Federation and International Law. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2017, no. 1, pp. 38–47 (in Russian).

7. Korkonosova T. A., Dolgopolova T. A. Mezhdunarodnyi dogovor i pravovaiia sistema RF [International Treaty and Legal System of the Russian Federation]. *Nedelia nauki SPbPU: sb. tr. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Sankt-Peterburg, 13-19 noiabria 2017 g.)*.

[SPbPU Science Week: a collection of works of a scientific conference with international participation (St. Petersburg, November 13-19, 2017)]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii un-t Petra Velikogo Publ., 2018, pp. 321-322.

8. Dadasheva R. A. The Influence of International Law on the Content and Development of the Legislation in the Sphere of Human and Civil Rights Protection. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2017, no. 1, pp. 193-202 (in Russian).

9. Chirkin V. E. Supremacy of Law: Contemporary Terminology. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 12, pp. 5-10 (in Russian).

10. Chernichenko S. V. The European Court on Human Rights: the Problem of Unenforceable Judgments. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2018, no. 3, pp. 6-17 (in Russian).

11. Il'inskaia O. I. Effect of Fundamental Change of Circumstances on Operation of Treaties. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2018, no. 5, pp. 155-166 (in Russian).

12. Aroian M. Iu. Vliianie geopoliticheskikh faktorov na priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh sudebnykh reshenii [Impact of Geopolitical Factors on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgements]. *Nedelia nauki SPbPU: sb. tr. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Sankt-Peterburg, 13-19 noiabria 2017 g.)*. [SPbPU Science Week: a collection of works of a scientific conference with international participation (St. Petersburg, November 13-19, 2017)]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii un-t Petra Velikogo Publ., 2018, pp. 463-465.

13. Smbatian A. S. Dissonance between Specificity of Each Situation and Need to Ensure Stability and Predictability of International Treaties. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 9, pp. 21-22 (in Russian).

14. Lazutin L. A. Inconsistence of Rules of National and International Law Revisited (Evidence From Legal Aid in Criminal Cases). *Sovremennoe parvo = Modern Law*, 2018, no. 2, pp. 99-103 (in Russian).

15. Galuzo V. N., Kanafin N. A. Constitutional Proceedings in the Russian Federation: is it Permissible to «Improvisation»? *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2017, no. 5, pp. 66-69 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпушкин Алексей Валентинович — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического института Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: kistin.sergei@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpushkin Aleksey V. — Associate Professor, Department of State and Legal Subjects, Institute of Law, Penza State University, Candidate of Law, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: kistin.sergei@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Карпушкин А. В. Нормы международного права в правовой системе России и пределы их исполнения / А. В. Карпушкин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 3. — С. 28-36. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-3-4.

FOR CITATION

Karpushkin A. V. Norms of International Law in the Legal System of Russia and the Limits of Their Execution. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 28-36, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-3-4. (In Russian).